

УДК 81'373.7(811.161.1+811.222.1)

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОЛОРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ЖЕЛТЫЙ»
В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

ХАЛЕДИАН РАХЕЛЕ

(Белорусский государственный университет, Минск)

Проводится сопоставительное изучение групп фразеологических единиц, содержащих компонент, обозначающий желтый цвет. Показано, что в обоих сопоставляемых языках наблюдается тенденция использования их для выражения отрицательных качеств или свойств объектов и явлений внешнего мира, а также характеристик или состояний людей. В ряде случаев, когда желтый цвет используется как маркер болезненных состояний, можно предполагать глубокое генетическое родство моделей вторичной номинации. Предложено объяснение клятвенной формулы «да будем желты, как золото» в договоре древнерусского князя Святослава с греками 972 г. как «да будем смертельно больны».

В последнее десятилетие наблюдается значительный рост числа исследований фразеологических единиц (ФЕ), содержащих компоненты из лексико-семантической группы цветообозначений (колоративы), как в отдельно взятых языках, так и в группах языков, близких в генетическом или структурном отношении или весьма отдаленных. В последнем случае компаративный (сопоставительный) анализ позволяет выявить как универсальные механизмы фразеобразования и семантических преобразований, входящих в состав фразем лексических компонентов, так и особенности, обусловленные этнокультурными факторами (историей языка, историей данного языкового сообщества и т.п.).

Интерес к фразеологизмам с колоративным компонентом мотивирован тем, что, во-первых, лексико-семантическая группа слов-цветообозначений в системе языка замкнута в синхронической перспективе и легко обозрима и, во-вторых, эта подсистема явно культурно специфична, а потому давно стала своего рода пробным камнем в исследованиях в области этнолингвистики, этнопсихологии, этнокультурологии.

Сопоставительное изучение фразеологии дает наиболее интересные результаты, когда сопоставляются 1) неблизкородственные языки; 2) разноструктурные языки; 3) языки, принадлежащие разным культурным ареалам (более подробно см. в [1, с. 6]).

В данной работе сопоставительному изучению подвергнуты фразеологические единицы, содержащие компонент, обозначающий *желтый* цвет, в русском и персидском языках. *A priori* можно ожидать, что в случае рассматриваемой пары языков отношения как собственно языкового, так и культурно-исторического планов будут отличаться достаточным разнообразием, обусловленным целым рядом причин:

1) русский и персидский языки, хотя и состоят в отдаленном родстве в рамках индоевропейской языковой семьи, прошли достаточно длительный путь совершенно самостоятельного развития;

2) русский язык синтетический, но с имеющими место тенденциями к аналитизму; персидский язык характеризуется достаточно выраженным аналитизмом;

3) русская и персидская культуры испытали несколько мировоззренческих революций, связанных с принятием христианства (русская культура), с одной стороны, и религиозной реформой Зороастра и принятием ислама (персидская культура), с другой;

4) влияние греческого языка на русский и арабского на персидский;

5) влияние персидской культуры на русскую и русской культуры на персидскую в разные исторические эпохи и ряд других.

В обоих сопоставляемых языках лексемы, обозначающие желтый цвет, возводятся к одному и тому же протоиндоевропейскому этимону: и.-е. **g'hel-/g'ghel-* 'сиять, блестеть, (тускло) светить' > праслав. **žьltь* > рус. *желтый* и др.-иран. *zari* > авест. *zairi, zairita*, перс. *zard* [2, с. 429 – 430; 3, с. 43 – 44; 4, с. 1680 – 1681]. Кроме того, в русском языке к этому же этимону возводятся обозначения зеленого и голубого цветов. Вероятно, первоначально слова данного корня использовались для обозначения ярких желто-зеленых оттенков [5], лишь впоследствии специализировавшись в разных группах языков для номинации или желтого, или зеленого цветов. Лишь в балто-славянском регионе данные значения закрепились за словами от этимонов с велярным и палатальным исходами соответственно. В индо-иранском рефлексы и.-е. **g'hel-* дали, в конечном итоге, наименования для желтого (снскр. *hāri-* 'желтый', лишь в немногих контекстах означающее зеленый цвет; перс. *zard* 'желтый' и др.). Возможно, единственным отражением и.-е. **g'hel-* в восточнославянском ареале является слово *золоти* 'желты' в клятве князя Святослава 972 г.: «и да будем золоти, яко золото (злато)» (которое И.И. Срезневский, впрочем, исправлял на *кóлоти* 'колоты') с сохранением палатального и полной ступени корня.

У изучающих фразеологизмы с колоративом *желтый*, особенно в группах европейских языков, сложилось устойчивое мнение об их немногочисленности [6, с. 124], которое, в случае русского языка,

подкрепляется ссылкой на словарь под редакцией А.И. Молоткова, в котором представлены всего две фразеологические единицы с компонентом желтый: *желторотый птенец* и *желтый дом* [7, с. 143, 157]. По подсчетам Ю.В. Зольниковой, фразеологизмы с «цветокомпонентом» *желтый* (5 %) находятся на предпоследнем месте, опережая лишь устойчивые сочетания с компонентом *серый* (4 %) и *коричневый* (менее 1 %) [8]. Еще меньше таких единиц в немецком языке – около 3 %. В персидском языке, по нашим оценкам, их несколько больше – около 7 %. Разумеется, при подсчетах подобного рода объективность оценок обратно пропорциональна субъективности подведения тех или иных фразеологизмов под соответствующие рубрики и даже зависит от отнесения некоторых устойчивых сочетаний к фразеологизмам.

Для сопоставительного изучения нами были отобраны фразеологические единицы с колоративным компонентом «желтый» из соответствующих словарей русского и персидского языков.

В русском языке к числу таковых относятся: 2) *желтая вода* (болезнь глаз – глаукома); 3) *желтая карточка*; 4) *желтая опасность*; 5) *желтая пресса*; 5) *желтенькая бумажка*; 6) *желторотый птенец*; 7) *желторылый аспид*; 8) *рыцари желтого шиньона*; 9) *желтый билет*; 10) *желтый дом*; 11) *желтый дьявол*; 12) *желтый, как золото* *«смертельно больной»¹; 13) *желтые профсоюзы*; 14) *желтый песок (песочек)* «могила»; 15) *желтый-прежелтый*; 16) *золотая осень*; 17) *пожелтеть от* (злости, зависти). Отнесение к данной группе сочетания *желтый песок (песочек)* будет обосновано ниже. С оговорками к этой группе может быть причислен фразеологизм *излить желчь*. Разумеется, список может быть расширен за счет устойчивых компаративов, однако в общем случае в них не обязательно наличие семантического переосмысления выражения в целом, а стало быть, их отнесение к фразеологизмам остается проблематичным.

В персидском языке мы выделили следующие фразеологические единицы: 1) *āftāb-zard* «желтое солнце», т.е. «время заката», вар. *āftābi zard* «желтое солнце» а) заходящее солнце, б) дыня; *āftāb be-zardi rasīde* «солнце становится желтым», т.е. «солнце садится (заходит)»; 2) *āftābi zard-ru* «желтолицее солнце» а) дыня, б) желтое вино; 3) *aftabe omre o zard šode ast* «солнце жизни стало желтым», т.е. «он близок к смерти»; 4) *tō zard daramadan* «оказалось желтым изнутри», «не оправдать надежд»; 5) *sage zard baradare šoghal ast* «желтая собака брат шакала» (ср. рус. *хрен редьки не слаще*); 6) *tamakar rangāš zard ast* «у алчного желтый цвет (лица)»; 7) *rishe b zard ast, in ham yek dalil* «Борода у него рыжая (жёлтая), вот еще одно доказательство», т.е. «его аргументы не убедительные»; 8) *šoghali ke morgh migirad bikhe gōšāš zard ast* «у шакала, который таскает кур, за ушами желто» в значении «я не тот, кого вы ищете»; 9) *magar roghane zard forōkhtei?* «Ты что? Жёлтое масло продал?», т.е. «получаешь даром, да еще разборчив»; 10) *rangi zardī kašīdan* «приобрести желтый цвет», «стесняться, стыдиться, быть пристыженным»; 11) *rūbāhi zard* «желтая лиса», т.е. «солнце»; 12) *zard u sorkh* «желтый и красный», «пристыженный, робкий, застенчивый, взволнованный», вар. *surkh u zard šudan* «делаться (становиться) красным и желтым», «покраснеть»; 13) *zardāb rikhtan* «брызгать желтой водой (желчью)» означает «злой, раздражительный (человек)», а также «плохое настроение»; 14) *zard-poost* «желтая кожа», так говорят о безбородом юноше; 15) *zard-čihra* «желтолицая», говорят о пожилой женщине; 16) *zard-rokh* «желтощекий», т.е. изменивший цвет от страха или стыда; 17) *zard-dast* «желторукий», т.е. солнце; 18) *zard-gosh* «желтоухий» означает а) зловерный, злостный, злобный, болезнетворный, злокачественный; б) лицемер, ханжа, лицедей; 19) *zardī zard* «желтый-желтый», очень желтый (ср. рус. *желтый-прежелтый*); 20) *zardāb* «желтая вода» означает «желчь», «гной, сукровица», «вино желтого цвета»; 21) *zard rū* «желтое лицо», означает болезненное состояние.

Значительная часть фразеологизмов с компонентом «желтый» в русском языке относится к ряду устаревших либо устаревающих [9, с. 23]. К таковым, в частности, можно отнести: *желтая вода*, *желтенькая бумажка*, *желторылый аспид*, *рыцари желтого шиньона*, *желтый песок (песочек)*. Другие мало употребительны: *желтая опасность* (как политически не корректное), *желтый дьявол*. Часть вошла в обиход сравнительно недавно: *желтая карточка*, *желтая пресса*, *желтые профсоюзы*.

В персидском языке большинство приведенных фразеологизмов широко используется в речи, а их существование поддерживается высокой слово- и фразеобразовательной активностью прилагательного *zard* «желтый».

В ряде случаев можно отметить сходство в образовании устойчивых сочетаний в обоих языках, ср. *желтая вода* «болезнь глаз – глаукома» и *zardāb* «желтая вода» «желчь», «гной, сукровица», «вино желтого цвета», *излить желчь* «срывать на ком-либо раздражение, гнев» и *zardāb-rez* букв. «брызгать (поливать) желтой водой (желчью)» (о злом, раздражительном человеке, о плохом настроении) при несколько отличном по образованию англ. *give vent to one's bile* букв. «дать выход своей желчи»; *желтый-прежелтый* и *zardī zard* «ярко желтый, интенсивного желтого цвета».

Результаты ассоциативных психолингвистических экспериментов показывают преимущественно отрицательные ассоциации цветообозначения «желтый» у носителей большинства европейских языков. Напротив, «у тюркоязычных испытуемых корреляты слова ЖЕЛТЫЙ отрицательных эмоций не вызвали» [10, с. 43]. Это различие, допускает А.А. Залевская, может быть обусловлено наличием у европейцев определенных предрассудков, связанных с желтым цветом.

¹ «Звездочка» означает реконструированное значение.

Действительно, в истории Европы находим многочисленные примеры использования желтого цвета для обозначения отверженных, презираемых членов общества. Так, в Средние века желтый был цветом шутов, желтые кресты ставились на домах, где были чумные. В Британских тюрьмах в желтую или зеленую униформу облачали опасных преступников, склонных к совершению побегов. Желтый флаг на судах означал, что на борту имеются инфекционные больные (в настоящее время, наоборот, он означает отсутствие таковых). Желтый часто ассоциировался с коварством и предательством. В иконографии Кайн и Иуда изображались желтобородыми, кроме того, Иуда – в желтом облачении. По этой причине в средневековой Европе евреи обязаны были носить желтое, а в нацистской Германии – желтую звезду Давида [11, с. 96 – 97; 12, с. 424 – 425].

Очевидно, что в большинстве приведенных выше русских фразеологизмов эти отрицательные ассоциации вполне очевидны и осознаваемы членами языкового сообщества.

Нам, к сожалению, не известны аналогичные ассоциативные эксперименты с группами фарсиязычных испытуемых. Однако из приведенной выборки видно, что использование колоратива «желтый» в сочетаниях, обозначающих отрицательные качества людей, негативные эмоциональные или болезненные состояния, также превалирует над его использованием в положительных или нейтральных контекстах.

В ряде случаев символический компонент плана содержания фразеологизма противопоставляется симптоматике ситуации, явно выражаемой сочетанием. Ср., например, обозначение заходящего солнца *āftāb-zard*, *āftābi zard* букв. ‘желтое солнце’. Очевидно, солнце в данном случае названо «желтым» вопреки житейскому опыту, который свидетельствует, что на рассвете и на закате дневное светило меняет свой цвет с ярко (бело) желтого на целую гамму оттенков красного, ср., в этом отношении, рус. *Малиновая заря* (зорька, рассвет), *багровый закат* и даже *кровавый закат*. Наука давно объяснила это явление рефракцией солнечного света в толще земной атмосферы. В таком случае обозначение заходящего солнца как «желтого» должно объясняться этнокультурными факторами.

В персидском языке и культуре Ирана семиотическое различие (вплоть до противопоставления) колоративов «желтый» и «красный» может быть продемонстрировано такими примерами, как *tō zard daravardan* «не оправдать надежд» (по аналогии с неспелым и несладким желтоватым или бледно-розовым арбузом, поскольку спелый арбуз внутри красный), *sorkh u zard šodan* букв. ‘делаться (становиться) красным и желтым’, т.е. менять цвет лица с красного на желтый (ср. также *rang be rang šodan* ‘менять цвет (лица)’ при рус. *краснеть и бледнеть, меняться (перемениваться) в лице*) при *zard u sorkh* букв. ‘желтый и красный’, что означает «пристыженный, робкий, застенчивый, взволнованный».

Дальнейший анализ показывает, что наличие семантической оппозиции «красный» – «желтый», явно не выраженной в европейских культурах, выступает яркой особенностью персидской картины мира. Наиболее полно она реализуется в таких фразеологизмах, как *sorkh rū* ‘красное лицо’, ‘румяные щеки’ и *zard rū* ‘желтое лицо’, которыми символизируются «здоровье» и «болезнь», соответственно. Оба фразеологизма участвуют в организации смыслового ядра поговорки: *Hakimi ke khod bāšadaš zard rouy az ou daruye sorkh ruṯ majouy* ‘не пытайся найти румяные щеки у желтолицего врача’.

Семантическое противопоставление красного и желтого цвета, весьма вероятно, имеет в культуре Ирана глубокие исторические корни. В пользу такого предположения может свидетельствовать их вхождение в состав ритуальной формулы, устойчивость и идиоматичность которой позволяют рассматривать ее как самостоятельную фразеологическую единицу: *sorkhī-e to az man, zardī-e man az to* ‘пусть твоя краснота (румянность) будет моей, а моя желтизна – твоей’ [13, с. 631].

С этим возгласом молодые люди прыгали через ритуальные костры во время ежегодного праздника *Āhāršanba-Sūrī* (часто произносится как *Āršamba-sūrī*), который можно перевести как «Красная среда». Так назывались торжественные мероприятия, проводимые в канун последней среды уходящего года за несколько дней до иранского Нового года (*Nowrūz*, букв. ‘новый день’), который по солнечному календарю наступал в момент весеннего равноденствия. По наиболее вероятному толкованию, слово *sūrī* является производным от *sūr*, которое, в свою очередь, представляет диалектный вариант от *sorkh* ‘красный’ (как, например, в поэтическом названии розы *gol-e sūrī* ‘красный цветок’). Данное толкование поддерживается вариантом названия этого праздника *Āršamba-sorkī* в провинции Исфahan (Esfahān) [13, с. 631].

Костры зажигались сразу после заката и с наступлением сумерек, а все собравшиеся должны были обязательно через них перепрыгнуть. Верили, что исполнение данного обряда делает его участников невосприимчивыми ко всем невзгодам, особенно в отношении болезней и недугов. Красным цветом огня, а также даруемым им здоровьем, которое символизировалось краснотой (румянностью), и объясняют название самого праздника.

Ассоциативная связь желтого цвета и недуга, болезненности, а соответственно, старости и смерти лежит в основе и таких фразеологизмов, как *āftabe omre o zard šode ast* букв. ‘солнце жизни стало желтым’, что означает «он близок к смерти»; *zard-čihra* ‘желтолицая’ говорят о пожилой женщине.

В русской литературе можно найти много примеров, когда для обозначения болезненного состояния используется желтый цвет лица (волос): «... он ужаснулся, увидев отражение свое в зеркале: он был

желт, как шафран» (о состоянии Завалевского, Б.М. Маркевич «Марина из Алого Рога», тут же его состояние подчеркивается и такими словами; «как покойник» и «по болезни»); «Всю ночь Навагину снился *старый* тощий чиновник в потертом вицмундире, с *желтолимонным лицом*» (А.П. Чехов «Тайна»); «Рядом жил *желтоволосый старичонка* с неподвижными рыбьими глазами, “отпетый”, да не похороненный» (Вс. Крестовский «Петербургские трущобы») и др. В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова находим интересный пример: «*Лицо пожелтело как пергамент* (о проявлении болезни, старости и т.п.)» [14, с. 888]. Можно также указать на хорошо известное в фольклоре восточных славян устойчивое сочетание *желтый песок (песочек)*, которым символизируется могила и, соответственно, смерть, например: «Встань, батюшка, встань! / Встань, родимый, вздынься!» / Нет ни привету, ни ответу – / Лежит во гробочке, / В *желтом песочке*. / Помер наш батюшка, помер! / Помер, родимый наш, помер» (с пометой «Хороводная песнь накануне Петрова дня, при отпевании Ярилы-Костромы, – чучела из соломы» [15, с. 535]).

Данным кругом ассоциаций может быть объяснена живучесть фразеологизма *желтый дом*, вошедшего в обиход, как объясняют словари (например, [15, с. 226]), благодаря желтой окраске стен здания Обуховской больницы для душевнобольных в Петербурге. Возможно, окрашена она была так совершенно случайно, однако вполне в соответствии с общеевропейской традицией маркировки социально отверженных (чумных, преступников, проституток) желтым цветом. К тому же, маргинальность умалишенных особого рода – они как бы «не от мира сего», а желтый цвет часто и ассоциируется с «миром иным», в том числе с «царством мертвых».

Учитывая данную культурную семантику колоратива «желтый», можно предложить толкование одного трудного места из договора древнерусского князя Святослава с греками 972 г. (в упрощенной записи): «Да имеем клятву от Бога, в его же веруем, в Перуна и в Волоса, скотья бога, и да будем золоти, яко золото, и своим оружием исечени будем». Было предложено множество толкований этой ритуальной клятвы. Так, А.Н. Афанасьев силу клятвы связывал с тем, что «золоту приписывается иссушающая сила огня, что подтверждается и тем многозначительным заклитием, какое записано у Нестора: “да будем золоти, яко золото”, т.е. да будем желты, как золото, или – да иссушит нас небесное пламя» [16, с. 239]. Исправив *золоти* на *колоти* (т.е. колоты), И.И. Срезневский сравнивает клятву золотом с одним местом из сказания Волусы: «Первое между народами убийство в мире вспоминаю – говорит Вола – когда Гульвейгу, т.е. золото, копьями (*geiron*) прокололи (*studdo*) и в дворце Вышнего сожгли (*brendo*)» и добавляет: «“Да будем колоти яко золото” не есть ли перевод Скандинавского: “да будем заколоты, как была заколота Гульвейг, да будем наказаны, как она за свое отступление от правоты”» [17, ст. 995 – 996].

На наш взгляд, нет необходимости в таких обходных объяснениях. Обратим внимание на формульный характер двух компонентов клятвы: «да будем золоти, яко золото» и «своим оружием исечени будем». Что касается второго компонента, то его традиционный (и весьма архаичный) характер в настоящее время вполне выяснен [18]. Первый же явно отсылает к символическому значению колоратива «желтый», усиленному компаративным сочетанием «желтый, как золото», т.е. «да будем смертельно больны», которое соответствует смыслу второго компонента и превращает всю клятвенную формулу в целом действительно в «смертельное заклитие». Не исключено, что включение данного компонента в состав ритуальной клятвенной формулы был мотивирован присутствием значительного воинского контингента иранского происхождения в княжеской дружине, так как известно, что в конце первого тысячелетия хорезмийцы составляли основу киевского гарнизона. Этим, в частности, может объясняться введение князем Владимиром хорезмийских богов (Хорса и Симаргла) в киевский пантеон [19, с. 30 – 31 и др.].

Во фразеологической системе персидского языка находит яркое отражение ассоциативная связь желтого цвета с коварством, предательством, злокозненностью, например: *zard-goš* ‘желтоухий’ означает а) зловерный, злостный, злобный, болезнетворный, злокачественный; б) лицемер, ханжа, лицедей. С ним связана поговорка *šoghali ke morgh migirad bikhe gōšaš zard ast* ‘у шакала, который таскает кур, за ушами желто’, которая используется в смысле «я не тот, кого вы ищете». Признак желтизны за ушами тут характеризует шакала, действующего, в отличие от благородных хищников, исподтишка. И потому, характеризуя человека низкого, недостойного поведения, говорят: *sage zard baradare šoghāl ast* ‘желтая собака брат шакала’. К этому кругу ассоциаций принадлежат и такие выражения, как *tamakar rangaš zard ast* ‘у алчного желтый цвет (лица)’ и *rishe o zard ast, in ham yek dalil* ‘Борода у него рыжая (жёлтая), вот еще одно доказательство’, т.е. «его аргументы не убедительные».

В русском языке соответствующие ассоциативные связи имеют такие фразеологизмы, как *желтая пресса* и *желтые профсоюзы*, т.е. «низкопробная или продажная пресса» и «продажные профсоюзы», а также *желтый дьявол*, т.е. «презренный металл». И хотя реалистическое объяснение их, как и в случае с фразеологизмом *желтый дом*, симптоматическое, использование в речи вполне символическое.

Заключение. Несмотря на то, что сфера употребления фразеологизмов с компонентом «желтый» в персидском языке заметно шире, чем в русском языке, при том, что в русском языке велика доля фразеологизмов интернациональных и литературных, в целом в обоих сопоставляемых языках очевидна тенденция использования их для выражения отрицательных качеств или свойств объектов и явлений внеш-

него мира, а также характеристик или состояний людей. В ряде случаев (желтый цвет как маркер болезненных состояний) можно предполагать глубокое генетическое родство моделей вторичной номинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dobrovol'skij, Dmitrij. Figurative Language: Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives / Dmitrij Dobrovol'skij, Elisabeth Piirainen. – Oxford: Elsevier Science Ltd., 2005. – xii, 419 pp. – (Current Research in the Semantics / Pragmatics Interface; Vol. 13).
2. Pokorny, Julius. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 2 Bde. / Julius Pokorny. – Bern und München: Francke Verlag, 1959. – 1183 S.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2 (Е – Муж). – 672 с.
4. Bartholomae, Christian. Altiranisches Wörterbuch / Christian Bartholomae. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904. – xxxii, 2000 S.
5. Норманская, Ю.В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках / Ю.В. Норманская. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. – 379 с.
6. Шевчук-Черногородова, М.А. Отражение цветовой картины мира во французской и русской фразеологии / М.А. Шевчук-Черногородова // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 66. – С. 121 – 127.
7. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / сост. Л.А. Воинова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. – изд. 2-е, стереотип. – М.: Изд-во «Сов. энцикл.», 1968. – 543 с.
8. Зольникова, Ю.В. Цветообозначения во фразеологической картине мира немецкого и русского языков / Ю.В. Зольникова // Вестн. Челябинского гос. ун-та. – 2009. – № 30 (168). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 35. – С. 88 – 93.
9. Бабкин, А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии / А.М. Бабкин; Ин-т рус. яз. АН СССР. – М.; Л.: Наука, 1964. – 76 с.
10. Залевская, А.А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов / А.А. Залевская // Этнопсихоллингвистика / Ю.А. Сорокин [и др.]; отв. ред. и авт. предисл. Ю.А. Сорокин. – М.: Наука, 1988. – С. 34 – 48.
11. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер; пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
12. Paterson, Ian. A dictionary of colour / Ian Paterson. – London: Thorogood Publishing, Ltd., 2003. – 520 p.
13. Kasheff, Manouchehr. Čahāršanba-Sūrī / Kasheff and 'Alī-Akbar Sa'īdī Sīrjānī // Encyclopaedia iranica / Ehsan Yar-Shater (ed.). – London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1990. – Vol. IV. – Fasc. 6. – P. 630 – 634.
14. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
15. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. Сб. образных слов и иносказ.: Посмерт. изд. / М.И. Михельсон. – СПб.: Типография Акц. Общ. «Брокгауз-Ефрон», 1912. – xii, 1046, 103 с.
16. Афанасьев, А.Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / А.Н. Афанасьев; сост., подготовка текста, статья, коммент. А.Л. Топоркова. – М.: Издательство «Индрик», 1996. – 640 с.
17. Срезневский, И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский; Изд. Отд-ния рус. яз. и словесн. Император. акад. наук. – СПб.: Тип. Император. акад. наук, 1893. – Т. I: А – К. – ix, 1420 ст., 49 с.
18. Чернецов, А.В. Двоеверие: мираж или реальность? / А.В. Чернецов // Живая старина. – 1994. – № 4. – С. 16 – 20.
19. Топоров, В.И. Об иранском элементе в русской духовной культуре / В.И. Топоров // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы; Отв. ред. Н.И. Толстой. – М.: Наука, 1989. – С. 23 – 60.

Поступила 18.12.2012

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A COLORATIVE COMPONENT «YELLOW» IN RUSSIAN AND PERSIAN: LINGVO-CULTURAL ASPECTS

KHALEDIAN RAHELE

The article presents a comparative study of groups of phraseological units containing components, designating a yellow colour. It is shown that both compared languages tend to use them to express negative qualities or properties of objects and phenomena of the external world, as well as people's characteristics or states. In some cases, when the yellow color is used as a marker of diseased states, we can assume a deep genetic relationship of models of secondary nomination. The explanation of the oath formula «let us be as yellow as gold» in the contract of the Old-Russian Prince Svyatoslav with the Greeks in 972 as "let us be deadly ill" is proposed.